

Человек - внутри пространства исихастерия и целостный образ

Представим себе хоть бы отчасти, в первом приступе понимания, - представим себе молящегося человека внутри образа, со-молебствуя с ним... предварительно, в общих чертах, не рассматривая нюансов. Итак, человек, вникающий «Благовещением – Знамением», – проникающий в образное пространство... человек, вникнувший внутрь этого пространства образа, созданного неотделимым от человека вникшего... человек в исихастерии, – внутри образа обступившего ото всех сторон, вокруг – ничего, кроме образ... всё вне-образие лишь внутри человеческого естества... с этим вне-образием, с этой безобразностью – физически воображён человек. И мы вновь убеждаемся здесь: образ создан отнюдь не как само–стоятельное, само-достаточное произведение человеческих рук, гения... наития Духа Святого. Не имея человека, живого и молитвенного внутри – выхолощен образ жизнью, опустошён и иссушен. Не может существовать образ в отдалённости от во-образённого человека, от во-человеченного и воспринимающего образа Божьего, как части этого образного пространства. Исключительно в живой связи с молящимся человеком – оживает и целостен живописанный образ... и человек – вник в него сквозь «игольное ушко» входа, сквозь символическое образное пространство «Знамения – Благовещения». О-знаменованный, о-благовещенный человек, словно бы со-участник гостеприимства Авраамова – предстоит перед Троицей и словно бы со-участник поклонения святителей в такой близости – предстоит перед Жертвой... - и не представить себе человека действительно молящегося – и, вместе с тем, заинтересованно и восторженно блуждающего внутри малого пространства живописи, рассматривающего нюансы изображений... - говорю о себе лишь, конечно же, понимая всю несообразность личных дерзновений перед образом и того, у чему устроена эта молитвенная область... Человек действительно молящийся – истинно воображён здесь, вместе с гостеприимцами Авраамом и Саррой - предстоит и со-участвует в из-образённом перед ним огромном действии ангельской литургии, вместе с праматерью Саррой – приемлет образные Дары – Хлебы. Перед человеком, в непосредственной близости – литургическая Жертва в образе, в изображении Агнца, закланного от сложения мира – в нижнем, при-ближенном композиционном ярусе. И вместе с изображёнными отцами – склоняется молящийся человек перед Агнцем на престоле в непосредственной близости от человеческого во-образённого взгляда. Перед Агнцем Новозаветным и перед литургией гостеприимства, под сению ангельских крыл, вмещающих это молитвенное пред-стояние, в о-кружении статичных образов столпников, в не-видении, не-ведении образа на западной стене - святого Макария, мало отличимого от образа нетварного благодатного света - светового окна... Внутри этого пространственного образа – человек, со-единяющий в себе частности композиционные и символические... и не предполагает эта живопись некоего разложения, разделения внутри человека – уясняемыми нюансами, элементами, деталями... Но нам не остаётся иного способа к уяснению, к восприятию в нашем затыжном неведении, в невидении кромешном – не остаётся ничего иного, кроме рассматривания деталей, усиливаясь уразуметь целое, дабы осмысленно – пребывать здесь далее... И уже вникнув сюда, прежде всяческого рассмотрения, воскликнем же от души об-радованной, восхищенной увиденным: «Господи, хорошо нам здесь быть!» - воскликнем сами уже ли не принуждённые раскрывающимся образом – вослед за апостолами на горе Преображения.

Сможет ли человек внутри этого образного пространства без-трепетно – возвести молитвенные очи, устремить любопытствующий свой взор к изображениям на стенах. Не замрёт ли благочестивое сердце в молитвенном пред-стоянии перед раскрывающимися образами, потупляя взор, смиряя сердце и душу, пред-ощутившую Господа, вострепнувшуюся ко своему Творцу... Сложно судить, даже и предположить о том, как должно было бы истинно и правильно – пребывать в этом пространстве человеку, на какого человека и на какое молитвенное состояние настроен этот пространственный образ. Но предположим себе, что не на отвлечённого искусствоведа, не на увлечённого научными изысканиями исследователя – обращён и ориентирован этот молитвенный объём, вместивший человека, - образ живописный, выявляющий образ Божий, живущий в человеческом естестве. Молящийся человек не возвысит умственный взор – над образом Троицы и взглянет на Неё с высоты своего внешнего понимания, сверху – вниз. Высокомерное надмение над образом не пред-усмотрено и не пред-положено здесь замыслом автора живописи. Человек, вошедший, в-никший сюда «Знаменем – Благовестием» и пред-ставший образу – становится словно бы частью изображённого ждешь, частью живущей, дышащей, молящейся... деятельно соучаствует единовременно и в гостеприимстве Авраамовом и в поклонении святых отцов Жертве. Человек, созерцающий образ, соединяет в самом себе, проживающем деятельное мгновение личной молитвы: превечную – до сложения века - литургию, литургию про-образовательную - Ветхого завета и литургию Нового завета, таинственно совершающуюся ныне в священнодействовании, - человек образно вместе с Авраамом встречает Ангелов... с поклоняющимися святыми отцами – созерцает Жертвенного Агнца. Человек, воспринимающий образ литургии, неизбежно - вмещает личный образ Божий в себе самом в образ видимый, образно - пребывает в окружении святости, внутри проявленной святости перед взором, вокруг и позади, за спиной у себя. Изнутри образа нет необходимости рассматривания его частных граней, отдельных граней этого сиятельного, объёмлющего целостного кристалла, но достаточно смиренномудренно – усмирив мудрования - пребывать в этой глубине, уповая милостью Господней - на со-единие глубины личной с бездной благоутробия Божьего, раскрывающегося Первообраза, вмещающего человека. Этого соединения в человеке – ищет образ, созданный Феофаном, ищет сам Феофан, философ zelo мудрый... ищет Господь, одаривший мастера Боговдохновенным образотворчеством... ищет Господь, одаривающий нас возможностью прильнуть и вос-принять Себя при образах откровенствующих с нами... Так, видится, внутри образного пространства – должно молитвенно пребывать человеку... И хоть бы отчасти уяснив себе это, быть может, и мы в молитвенной немощи удостоимся быть восприняты образом, приступая к его порогу... желая и алча неизмеримо большего в угашении духа... дерзая из благодарного смиренномудрия – рассматривать частности образа, как бы великолепные фасады зданий, желая проникнуть в них... усиливаясь усвоить изображённые нюансы, научаясь ими, – готовиться к возможному проникновению в глубь... Обнадёжимся же плодами этого рассмотрения и улавливания логических взаимоотношений отдельных композиционных фрагментов меж собою и внутри образного целого.

Итак, человек – есть средоточие образного пространства, сердцевина, соединяющая разрозненные грани его и соединяющая себя через воображённое собою целое – с Прево-образом, с Богом. Логичная и естественная связь совершается внутри человеческого сознания, внутри человеческого сердца, понимающего, вос-принимающего

образ и помимо логических суждений о нём. Нельзя нам рассматривать, созерцать образ Троицы и одновременно – образ святого Макария, находящийся позади нас. Но нельзя и отделить эти образы один от другого некоей дискретностью, фрагментарностью, ограниченностью физического нашего зрения. Нельзя разделить себя на различные воспринимающие части – меж Троицей и Знаменем – Благовещением. Нельзя свой совершившийся и о-знаменовавший вход в исихастерий - вычленив из совершающегося здесь образного восприятия... выделить образный исход из исихастерия из пребывания внутри него... пребывание внутри исихастерия соединяет человека с вне-временным, превыше-временным со-бытием. Человек воображённый, соединяясь со вневременным – выходит за пределы и ограничивающие грани видимого мира, прикасаясь к невидимому Богу. Повторим в который раз: прикосновение чувств к образу не предполагает уяснения образа по его частям, по раздельности, по раз-граничению восприятием образных составов... - не станет наш разум, ни душа наша восприимчивая – не станет некоей «живой водою», обтекающей и вмещающей всё и сразу, животворящей раз-розненные мёртвые части... Возможно ли разделить наше восприятие между образами Троицы и Жертвы... святых Макария и Акакия... воспримем ли столпников, разделяя их друг от друга в едином образе... Целостный образ – вмещает целостного нерасщеплённого человека - и составляет с целостным человеком единое, единственное в своём роде, несравненное ни с чем – образное пространство. Такой цели, как представляется, – следует образ в молитвенном пространстве... к своему назначению выпестывания и сохранения молитвенной тишины, в которой со-прикасаются человек с Богом – устремлено образное устройство исихастерия.

Здесь, именно здесь – человеческое сердце – умягчается в восприимчивости к Творцу... здесь - расширяются образом пределы сердечные... здесь – указываются ориентиры превышеестественные для человека, не как недоступные, не достигаемые по существу, но как откровенные этому естеству, как вживую по неизъяснимой благодати Господней – приемлемые и воспринимаемые человеком.

Возможна ли внутри образного объёма некая подмена, за-мещение литургии – высоким, но – только лишь человеческим искусством, душевно – духовными произведениями, заменой живого Бога на высотах православной эстетики... Не помыслим подобного ни в коей мере. Здесь, в исихастерии перед нами и вокруг нас – пространство иного накала, особенной чистоты – очищенности, обнажённости образа, иного возможного разумения, иного взысканного в нас напряжения и сосредоточения в пред-стоянии Богу. Вкусив Христа, вос-приняв Спасителя внутрь себя в общем литургическом делании – возможно удалиться, восшествовать к образным небесам, в неизъяснимую глубину Троицкого придела и сохранить в себе чувство и знание, про-должить внутренне со-бытие в воспринятом Спасителем – внутри себя и внутри образа... продлить трапезу, разделённую со встреченным Богом... Пре-уготовивая своё естество к восприятию Христа – можно взойти в придел Троицы и встретить образ Божий, во-образив себя к Троицкой Трапезе, настроив себя на Неё, пред-ставив себя Ей. Как знать, быть может, это творческое открытие и практическое начинание Феофана было единственным в своём роде опытом во-ображения человеческого естества... пусть и не названо это так великим живописцем – образотворцем, но такова – небесная задача и пре-небесная высота, к которой устремляет человека – образ, не подменяющий живого Бога, не заменяющий литургию и Христа в ней. Образ целенаправлен к - воз-вышению человека до небес и пре-выше естественных свойств, к вос-

соединению со своим пред-назначением. Образ объемля – устремляет собою человека, утратившего великие смыслы своего существования... и способность возратить утраченное... или же – позволяет ощутить и отчасти - обрести себя внове, в пред-стоянии Богу перед Первообразом человека... Таков исихастерий для уединившегося здесь человека, для во-ображённого живого человеческого естества. Пусть и двое – трое собраны здесь во имя Божие – Господь – посреди, осязаем и воспринимаем – опосредованно... образно. К тому ли, чтобы удержать в себе, охранить от поругания и расточения Бога, живо про-никшего в нас за литургией... соединившего Себя с нашим естеством... к тому ли, чтобы нам - приготовить себя к достойному, не ложному, искреннему восприятию Его – образ перед нами... вокруг нас... Таков - образ внутри исихастерия... внутри пространства возделываемой сердечной тишины.

Проходя сквозь тесный, узкий лаз – вход, человек оказывается внутри как бы нового пространства, проходя на встречу свету из тёмного пространства хор, из полу – мрака, человек – вникает в этот свет и внезапно оказывается внутри образного пространства, вскользнув в него, вникнув – оказывается внутри некоего нового предстояния, словно бы рождённым из небытия в иное – образное существование, в событие. Тут будто бы порождает человек сквозь образ смерти и возрождения к новой жизни – в раю сладости. Человек – оказывается внутри нового рая в со-обществе со святыми, предстоящими Богу – внутри общего предстояния, как часть целого – отдельная целостная личность. Таков вход в исихастерий и именно так следует рассматривать устройство образного пространства – через уединённого человека, молящегося zde, внутри.

Живой человек, живой образ Божий в человеке – внутри живо-писанного образа. Живой Бог – про-образованный предельно проникновенным образом – при-ближен и почти осязаем здесь, в уготовленном и очищенном, истончённом пространстве живой встречи. Здесь – личный Синай для молитвенного сердца. Здесь – гора Преображения. Здесь – шатёр гостеприимства. Здесь – символ славы и сил Господних, раскрытый для нас и впустивший нас в себя. Здесь – образы кринов процветших столпов – просиявших капителей столпничества. Здесь – образное небо, на которое восходили, приближались столь многие и как мало тех, осознавших то, где очутились их сердца, внутри какого пространства сподобил Господь пре-бывать им... Здесь – образно – небо, на которое взяты, в которое вселены Илия, Енох... Здесь – образный рай для облагоразумевшейся разбойной души... Живой человек – внутри живо-писанного образа. Живое существо - внутри образа Бога Живаго... - так и усилимся воспринять... а милостью Господней – и воспримем образное пространство исихастерия.